

РЕЦЕНЗИИ

Glenn Palmer, T. Clifton Morgan, *A Theory of Foreign Policy*, Princeton-Oxford: Princeton University Press, 2006. – С. 215.

Главную цель внешней политики государства представители реалистической школы теории международных отношений усматривают в стремлении сохранить безопасность. В публикации *A Theory of Foreign Policy* авторы опровергают этот тезис и утверждают, что при проведении внешней политики страны руководствуются двумя фундаментальными ценностями (*goods*): с одной стороны, стремлением к изменению своего статус-кво (*change*), с другой – консервативными принципами деятельности (*maintenance*), направленными на предотвращение изменения статус-кво. В основе теории двух ценностей (*two-good theory*), представленной в анализируемой работе, лежит смелое утверждение, выражающее одобрение компромиссу, который – в рамках выбора наиболее эффективной стратегии внешней политики с точки зрения целей, стоящих перед данным государством, – власть имущие должны быть способны принять.

Работа *A Theory of Foreign Policy* – это результат многолетнего сотрудничества двух авторов. Гленн Пальмер, профессор политических наук Университета штата Пенсильвания, занимает должность главного редактора журнала *Conflict Management and Peace Science*. Т. Клифтон Морган, профессор политологии Университета Райс в Хьюстоне, приобрел широкую популярность как автор книги *Untying the Knot of War*¹, посвященной анализу причин превращения некоторых

¹ Т.С. Morgan, *Untying the Knot of War*, University of Michigan Press, Ann Arbor, 1994.

конфликтов в войну. Оба автора опубликовали ряд совместных статей, затрагивающих проблемы возникновения и исполнения договоров между государствами. В этих работах отражение получила также все сильнее проявляющаяся теория двух ценностей, которая составляет главный предмет нашего анализа².

Фундаментальный вопрос теории международных отношений, на который пытаются ответить также авторы рассматриваемой публикации, звучит так: почему государство поступает именно так, а не иначе в своих отношениях с другими странами?³ В своем анализе Пальмер и Морган затрагивают четыре аспекта предполагаемых ответов. Они фокусируют свое внимание прежде всего на отдельных политических стратегиях, избираемых данным государством. Затем они указывают на отношения между избранными политическими стратегиями в зависимости от обстановки или времени. Третий аспект касается решения, принимаемого каждый раз главой государства, когда необходимо выбрать одну из набора сходных политических стратегий, применимых к различного рода ситуациям. Не менее существенно с точки зрения авторов понять отношения, возникающие между отдельными стратегиями внешней политики.

Пытаясь ответить на поставленный выше вопрос, Пальмер и Морган исходят в своих рассуждениях из трех предпосылок, благодаря которым проведенный ими анализ выделяется на фоне известных теорий международных отношений. Во-первых, внешняя политика государства понимается здесь как портфолио, содержащее все доступные данному государству стратегии. Благодаря этому отдельные компоненты внешней политики не рассматриваются в изоляции от других. Во-вторых, общая перспектива, заложенная в теории двух

² T. C. Morgan, G. Palmer, *A Two-Good Theory of Foreign Policy: An Application to Dispute Initiation and Reciprocation* // „International Interaction” 1997, № 22. – С. 225–244; *Room to Move: Security, Proaction, and Institutions in Foreign-Policy Decisionmaking* // R. Siverson (ред.) *Strategic Politicians, Institutions, and Foreign Policy*. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. – С. 193–220; *Chinese Foreign Policy in the Twenty-First Century: Insights from the ‘Two-Good’ Theory*, „Issues and Studies” 1999, № 35. – С. 35–60; *A Model of Foreign Policy Substitutability: Selecting the Right Tools for the Job(s)* // „Journal of Conflict Resolution” 2000, № 44. – С. 11–32; *To Protect and to Serve: Alliances and Foreign-Policy Portfolios* // „Journal of Conflict Resolution” 2003, № 47. – С. 180–203.

³ G. Palmer, T. C. Morgan, *A Theory of Foreign Policy*, Princeton University Press, Princeton–Oxford, 2006. – С. 1.

ценностей, позволяет применять ее к любому государству и в любое время. Данное положение является особенно существенным, ибо авторы не ставили своей целью представить узкоспециальную теорию, с помощью которой можно было бы объяснить тематику более частного характера. В-третьих, теория двух ценностей ставит под сомнение популярное мнение о том, якобы приоритетной целью внешней политики государства было стремление к большей безопасности. Внешняя политика подчиняется, по мнению Пальмера и Моргана, двум общим целям, которые авторы называют двумя ценностями. С одной стороны, государства стремятся охранять и поддерживать те явления, которые желательны с точки зрения интересов данного государства, с другой стороны – они стараются изменить те элементы, которые считают невыгодными. При этом обязательным компонентом теории двух ценностей является равновесие (*trade-off*). Средства, направленные на осуществление одной цели, могут быть использованы только за счет другой цели.

Главы 3 и 4 посвящены анализу конкретных примеров из новейшей истории, а также актуального международного положения. Рассматривая многочисленные сферы внешней политики Соединенных Штатов после 1945 г., авторы формулируют тезис о том, что более сильные государства в относительно большей степени готовы модифицировать международные отношения. Более же слабые государства в большей степени заинтересованы в сохранении статус-кво. Оставаясь в рамках теории двух ценностей, соавторы анализируют примеры, которые на первый взгляд не подтверждают этот тезис. Особого внимания заслуживает процесс принятия решений в России, который в результате привел к принятию этим государством крайне невыгодных условий Брестского мира в марте 1918 г. Другой пример взят из политики Новой Зеландии в отношении США в середине 80-х гг. Вследствие отсутствия согласия на заход в порты Новой Зеландии кораблей с атомными двигателями США отказались в то время от своих прежних гарантий безопасности для этой страны. Тем самым Новая Зеландия оказалась за пределами защитного зонга ANZUS. Формирование внешней политики Китая с 1949 г. является исходной точкой для предвидения, что Китай, как держава все увеличивающейся мощи, в ближайшем будущем также станет все более активным в вопросе инициирования изменений в международных отношениях.

Альянсы, в особенности договоры оборонительного характера, традиционно воспринимаются как средство усиления безопасности и как форма отпугивания других государств. Теория двух ценностей выходит за рамки этой схемы и позволяет выделить потенциально различные выгоды, вытекающие из членства в союзах. В качестве примера того, каким образом участие в союзе может повлиять на портфолио внешней политики данной страны, авторы воспользовались Суэцким кризисом 1956 г. Традиционная теория указывает на роль США в конфликте и давление, которое эта держава оказала на своих союзников по НАТО – Великобританию и Францию, которые были вынуждены вывести войска из Египта. Однако Пальмер и Морган подчеркивают, что Великобритания и Франция не были бы втянуты в египетско-израильский конфликт, если бы как раз не их членство в союзе с США. Именно гарантии безопасности, связанные с членством в НАТО, позволили Великобритании и Франции развернуть действия в горячей точке за пределами европейского континента без опасений, что они подвернут свои страны риску возможного нападения со стороны Советского Союза.

Теория двух ценностей подвергается авторами также довольно сложному математическому анализу. Используя образцы, опирающиеся на данные, означающие степень стремления к изменениям и сохранению статус-кво, они рассчитывают способность данного государства к реализации целей внешней политики. Одним из интересных результатов этих расчетов является график, показывающий, что параллельно росту возможностей данного государства во внешней политике способность к внесению изменений растет в более быстром темпе, чем способность к сохранению статус-кво в международных отношениях⁴. Произведенный математический анализ указывает также на большую вероятность того, что более сильные государства инициируют конфликт и выделяют дополнительные ассигнования на помощь в развитии. Более слабые государства демонстрируют более явную тенденцию к выделению дополнительных средств на военные цели и использованию военных средств в случае конфликта.

Как признают сами авторы, книга *A Theory of Foreign Policy* представляет лишь рамки для теории двух ценностей. Необходимо большее количество эмпирических исследований, кото-

⁴ *Ibidem.* – С. 99.

рые также могли бы способствовать развитию теоретических принципов. Особой задачей может быть попытка распространения теории на область внутренней политики. Необходимо также введение определенных элементов, учитывающих взаимодействие между принимаемыми решениями и их восприятием другими государствами. Эти заключительные замечания, однако, должны не разочаровать потенциального читателя, а скорее вызвать у него желание подробнее познакомиться с основами теории двух ценностей и, возможно, попытаться верифицировать ее принципы в различных контекстах внешней политики.

Марта Магдалена Стахурска

Лозанский Э.Д. *Россия между Америкой и Китаем.* – Москва: Международные отношения, 2007. – 283 с.

Первая половина XX века прошла в тени кровавого соперничества Великобритании и Соединенных Штатов с Германией, вторая половина XX века была окрашена конфронтацией Советского Союза с США. Некоторые считают, что первая половина XXI века пройдет под знаком американо-китайской борьбы. Такого же мнения придерживается Эдуард Лозанский, автор изданной в прошлом году монографии «Россия между Америкой и Китаем». Физик-ядерщик по образованию, в Советском Союзе диссидент, вынужденный в 70-е гг. эмигрировать в США. В начале 90-х он создал учреждения, имеющие целью сближение России и США на политическом поприще, в области бизнеса, науки и культуры, – Американский университет в Москве, компанию «Russian House» в Вашингтоне. Он является также организатором ежегодного Российского форума в американском Конгрессе.

Термин, постоянно встречающийся на страницах книги Э. Лозанского, – «мировой треугольник», вершинами которого являются Соединенные Штаты, Китай и Россия. Именно этот треугольник, по мнению Лозанского, должен сыграть ключевую роль в формировании новой расстановки сил в мире. Автор не скрывает, что Россия является самым слабым звеном этой конструкции и ее присутствие рядом с США, а также роль потенциального кандидата на свержение США с трона

мирового гегемона может вызывать сомнения читателей. Однако данная конструкция имеет основания.

Уже во введении Лозанский выдвигает тезис о том, что XXI век будет временем борьбы за позицию мирового лидера между двумя регионами: Большой Европой и Восточной Азией. К первой он относит весь регион северной Атлантики во главе с Соединенными Штатами, ко второй – Китай, Японию, Южную Корею, Тайвань, Малайзию и Таиланд. Результат этого соперничества будет иметь большое значение для России. Лозанский признает, что, хотя географически Россия расположена между Востоком и Западом, гораздо большие исторические и культурные связи объединяют ее с Европой.

По мнению Лозанского, перед Россией стоит необходимость выбора между Востоком, лидером которого стала Китайская Народная Республика, и Западом под предводительством США. Естественный, казалось бы, после распада СССР путь развития России, т. е. интеграция с западными структурами, оказался невозможным по двум, как считает автор, причинам: в России по-прежнему живы имперские амбиции и ностальгия по утраченному статусу сверхдержавы; на Западе функционируют влиятельные силы, которыми Россия – будь она коммунистической или демократической – не принимается в качестве равноправного члена западного общества. Интеграция России с западными структурами соответствовала бы интересам безопасности и экономики Запада, утверждает Лозанский. Разочарование отсутствием предложений тесного сотрудничества и расширение НАТО склонили Россию к сближению с Китаем. Как считает автор, прежде всего именно позиция Запада сделала невозможным сближение между Россией, Европейским союзом и США. Этот тезис по меньшей мере спорен. Действительно, интерес к побежденному противнику в 90-е гг. значительно снизился и ограничился почти исключительно проблемой контроля за постсоветским ядерным арсеналом. Однако все ли сделала Россия, чтобы достичь стандартов западноевропейских демократий, закладывая основы будущей интеграции? И самое главное: была ли Россия действительно заинтересована в такой интеграции? Вопросы представляются риторическими.

Приоритетами России остаются сохранение суверенности и территориальной целостности, а также обеспечение развития и интеграция с мировой экономикой, что в большой мере зависит от отношений как с США, так и с Китаем. Лозанский

сомневается в возможности опоры развития лишь на внутренние ресурсы России, ставя ее перед необходимостью быть связанной с одним из мировых центров: старым – США – или новым – Китаем. Выбор тем более важен, что Китай медленно, но последовательно идет к позиции главного соперника прежнего мирового гегемона. Решение России будет иметь важное значение не только для нее, но и для Китая и Америки. Ибо у России есть козыри, которые делают ее привлекательным партнером для обеих держав: богатейшие запасы природных ископаемых, прежде всего нефти и газа. А обеспечение стабильных поставок энергетического сырья будет одним из центральных вопросов новой «большой игры» XXI века.

Поэтому «Россия между Америкой и Китаем» посвящена одной из ключевых проблем современной геостратегии: какой путь выберет Россия, строя свои отношения с Китаем и Соединенными Штатами. Лозанский анализирует возможности, достоинства и недостатки выбора России, ссылаясь на исторические, культурные и экономические условия. Автор, как он сам пишет, не претендует на право навязывать России определенную стратегию во внешней политике – «это дело ее лидеров, элит и, в конечном счете, народа» (С. 262). Он не претендует также на звание абсолютно постороннего и объективного наблюдателя. Напротив, он не намерен скрывать своих взглядов и симпатий. Для Лозанского Россия в культурном смысле является частью Запада, а ее общество не желает растворяться в миллиардных массах Востока. «Западное направление представляется для нее (России. – Р. С.) наиболее благоприятным для сохранения своей идентичности», – утверждает Лозанский (С. 262-263). Однако важно, чтобы этот выбор не интерпретировался как направленный против Китая.

Работа Э. Лозанского объемом около трехсот страниц состоит из введения, заключения и 14 глав, которые внутренне разделены на части. В качестве эпиграфов к ним использованы цитаты из русских, китайских и западных политиков, политологов, военных и писателей. Автор охотно цитирует многочисленные источники, документы, разработки, аналитические обзоры и статьи из прессы, особенно если хочет представить взгляды сторонников позиций, отличающихся от его собственной. В разумном объеме он оперирует также экономическими и демографическими данными, характеризуя потенциал отдельных государств, а также процессы, происходящие в мировой экономике. Недостатком книги является отсутствие

классической библиографии. Читатель, желающий пополнить свои знания, должен углубиться в примечания.

Автор не является политологом, но у него за плечами есть опыт сотрудничества в русском эмиграционном журнале «Континент», и это сказывается на языке книги. Она не перегружена специальной терминологией, здесь преобладает публицистическая интонация, подкрепленная, однако, тщательной фактографией, что не заставляет читателя скучать, а текст легко усваивается. Но совершенно очевидно, что автору не помешала бы большая дисциплина изложения. Слишком часто встречаются повторы, как, например, это произошло с интерпретацией российско-китайских военных маневров 2005 г., о которых Э. Лозанский упоминает в трех различных фрагментах своей работы, практически каждый раз дублируя одну и ту же их оценку. Плюсом книги является небольшое количество фактических ошибок. Российский ракетный противоздушный комплекс, продаваемый Китаю, это, конечно, не А-300, а S-300 (С. 93). На счет ограниченного контакта автора с европейскими автозаправочными станциями, вероятно, следует отнести его мнение о том, что цены на бензин в США обложены высоким налогом, из-за чего водители здесь страдают больше водителей в других странах (С. 145). Лозанский сам себе противоречит, когда вначале утверждает, что США отличает «относительная независимость сырьевой базы от внешнего мира» (С. 7), а затем добавляет, что 2/3 потребляемой США нефти импортируется, а внутренние залежи нефти могут закончиться до 2017 г. (С. 157). Многие же гипотезы и оценки, формулируемые Э. Лозанским, вызывают несогласие, но это не выходит за рамки допустимого научного дискурса, побуждая читателя к тому, чтобы занять собственную позицию.

В структуре книги явно заметно разделение на три части. Первая из них охватывает две начальные главы и представляет собой своего рода историософский очерк, утверждающий исключительность России как сложного евразийского организма, возникшего на стыке западных и восточных цивилизаций, в специфических суровых природных условиях. Все это отразилось на русском национальном характере. Лозанский доказывает уникальность России и русских, ссылаясь на русских писателей, историков, философов: Достоевского, Ключевского, Бердяева, Трубецкого, Степуна, Пушкина, Мандельштама, Менделеева. Свидетельства таких представителей

Запада, как Дж. Хоскинг или А. Жид, подобраны таким образом, чтобы они представляли русских в положительном свете. Специфика России нашла выражение в евразийстве – оригинальной русской геополитической концепции, отрицающей принадлежность России к западной цивилизации и отводящей России-Евразии роль оси мирового равновесия. Лозанский, с одной стороны, вслед за отцами евразийства 20-х гг., усматривает источники катастрофы царской России в 1917 г. в рабском копировании ею западных образцов, с другой, однако, критически высказывается о современном евразийском проекте для России, считая, что он переоценивает российский потенциал и недооценивает возможности Запада. В сознательном антагонизировании Запада Лозанский видит препятствие на пути модернизации России.

Центральные главы (3-9) являются основной частью работы, представляющей взгляды автора на геополитические условия зависимости в рамках «мирового треугольника». Глава 3, «Россия и Китай», безусловно, самая крупная, а учитывая, что глава 4 озаглавлена «Москва-Пекин: военный фактор», это свидетельствует о важности, которую Лозанский придает российско-китайским отношениям. По его мнению, Россия была обречена на восточное направление экспансии, ибо только там она не встретила противодействия со стороны Запада, прежде всего Великобритании. Вслед за Достоевским Лозанский, как представляется, разделяет мнение о том, что Азия для России была тем же, чем Америка для Западной Европы; если в Европе русские были «татарами», в Азии они были европейцами. Используя ослабление Срединной империи, Россия, как и другие державы, навязала Китаю невыгодные соглашения. В том числе по территориальным вопросам. Лозанский обращает внимание на то, что на китайских картах Сибирь зачастую отделена от России (С. 14).

Э. Лозанский делает очерк истории российско-китайских отношений с конца XVII века, но особо останавливается на последних 20 годах, когда после периода открытой вражды наступила разрядка в отношениях между державами. Этому способствовало то, что место потенциального главного противника США, освобожденное СССР, занял Китай. Обретение гегемонистской позиции Соединенными Штатами и доктрина НАТО, допускающая превентивные удары и действия войск Пакта за пределами территории своих членов, склоняли к сближению недавних соперников. Китай заинтересован в

поставках российских энергоресурсов, что делает его в некоторой степени независимым от поставок из района Персидского залива. Оба государства заинтересованы в стабилизации Средней Азии, учитывая как возможности, создаваемые эксплуатацией ее запасов нефти и газа, так и угрозы, связанные с исламским фундаментализмом. Это сближение привело к объявлению стратегического партнерства и окончательного урегулирования проблемы границы. Как Россия, так и Китай хотят заменить нынешний однополярный мировой порядок, в котором господствуют США, порядком многополярным. Лозанский, однако, выражает некоторые сомнения в возможности российско-китайского военного союза, начало которого часть западных специалистов усматривает в Шанхайской организации сотрудничества – региональной организации, членами которой, кроме России и Китая, являются Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Такой союз был бы возможен только в случае драматического ухудшения отношений между Россией и США. Слишком велика еще зависимость России и Китая от западных инвестиций и технологий, а для обоих этих государств отношения с Соединенными Штатами важнее двусторонних контактов между собой.

Сторонники сближения с Китаем рассчитывают на то, что это позволит им уравновесить внешнюю политику России, стабилизировать ее внутреннюю политику и экономическое развитие. Оба государства по-своему чувствуют геополитическую изоляцию – «два великана-одиночки». В среднесрочной перспективе интересы России и Китая на региональном уровне совпадают. Сближающим Китай и Россию является неприятие «цветных революций» на постсоветском пространстве, в которых оба государства видят американского вдохновителя. Однако в растущей китайской мощи автор усматривает также угрозы. Россия в глазах Китая – пример плохо проведенных реформ, в которых реформы политические опередили экономические и привели к упадку. Роли поменялись. Теперь Китай выступает в роли старшего брата, а Россия не сможет сохранить равноправный статус в таком союзе. Лозанский опасается, что Китай рано или поздно будет доминировать как в Средней Азии, так и в российской Сибири и на Дальнем Востоке. Пока внимание Китая сосредоточено на Тайване, но после его подчинения Китай обратится на север. А демографическая ситуация выглядит невыгодно для России, которая экономически и демографически остается асим-

метричным государством. Между Уралом и Тихим океаном живет лишь 23 млн. россиян, и это количество непрерывно уменьшается, что беспокоит не только Лозанского, но и российские власти⁵. В то же время за границей в трех провинциях проживает около 130 млн. китайцев. Для Лозанского проблемой является не китайская эмиграция, которая позволяет хотя бы частично решить проблему нехватки рабочих рук на российском Дальнем Востоке, а нежелание молодых россиян жить и работать там. Представляется, однако, что в своих прогнозах Лозанский несколько переборщил, разрабатывая сценарий на случай морской блокады Китая со стороны США, в котором Китай вводит на территорию Восточной Сибири войска с целью обеспечения поставок нефти и газа (С. 84-85). Китай был бы заинтересован, вероятно, в ограничении экспорта энергетических богатств Восточной Сибири в Корею, Японию или США и превращении ее в свой стратегический резерв, но по меньшей мере еще в течение нескольких десятков лет он не сможет сравниться с Россией по объему ядерного потенциала. Поэтому трудно предполагать, чтобы он был готов рискнуть на военную акцию, способную привести к открытой войне с северным соседом.

Следующие две главы посвящены американо-российским взаимоотношениям. Автор убеждает в том, что, несмотря на напряженность в отношениях с США и ЕС, российская политика по-прежнему нацелена на Запад, а сама «Россия, как и огромная часть мира, ощущает эмоциональную, интеллектуальную и эстетическую привлекательность колоссального западного государства – Соединенных Штатов» (С. 102). С одной стороны, он признает, что демократические институты в России, вместо того чтобы развиваться, подвергаются ослаблению, с другой, однако, считает, что нападки на Россию в американской прессе чрезмерны. До России доходит почти исключительно критика в адрес режима президента Путина, и именно она целенаправленно выдвигается на первый план, создавая впечатление, что американскую политику в отношении России формируют люди, стремящиеся к ее максимальному ослаблению, – «лантосы и маккейны», как их называет

⁵ Еще в 1996 г. российское правительство приняло федеральную целевую программу «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 гг.», продленную затем до 2010 г., но результаты ее осуществления разочаровывают, о чем, впрочем, говорил президент Путин во время последнего телемоста с жителями России в октябре 2007 г.

Лозанский. Он считает это очень вредным как для России, так и для США. В той же мере, насколько трезво он подчеркивает, что США не могут игнорировать Россию, учитывая ее значение для проблемы нераспространения оружия массового уничтожения или борьбы с международным терроризмом, настолько же представленное им условие вероятного российско-американского союза шокирует и представляется совершенно невозможным для осуществления: «Если Америка проявит стратегическую дальновидность и предложит России некоторые гарантии сохранения статус-кво за Уралом, то она обретет верного союзника» (С. 109). Не говоря уж о готовности Штатов дать такие гарантии, трудно себе представить, чтобы Россия – как бы то ни было атомная держава – согласилась на американские гарантии своей территориальной целостности. Особенно учитывая то обстоятельство, что, как пишет сам Лозанский, русские могут вынести очень многое, но не унижение. Такие гарантии для многих русских были бы унижительны.

В главе 7, озаглавленной «США и Китай: орел и дракон», автор анализирует отношения между нынешним мировым гегемоном и государством, имеющим самые большие шансы на замену его в этой роли. США подозревают Китай в желании создать в Азии китайскую зону влияния, по образцу американской зоны влияния в западном полушарии. В поисках источников энергетического сырья Китай активизирует свое присутствие в Африке и Латинской Америке. Лозанский рассматривает экономические отношения между двумя мощными державами, осложненные вследствие огромного китайского положительного сальдо в торговом обмене, искусственно заниженного курса юаня и американских опасений по поводу политического фона экспансии китайских концернов и китайского промышленного шпионажа. Америку беспокоят растущие китайские расходы на вооруженные силы, Китай, в свою очередь, предостерегает США от «прикрытия зонтом» системы противоракетной обороны Тайваня и поддержки уйгурских сепаратистов.

Глава 8 целиком посвящена значению энергетического сырья для отношений между «сторонами мирового треугольника». Лозанский напоминает, что США и Китай – два крупнейших потребителя нефти в мире. Для обоих этих государств обеспечение стабильных поставок энергетического сырья является делом первостепенной важности. Оба хотят также ограничить зависимость от поставок нефти из района

Персидского залива, а Россия, кроме Саудовской Аравии, является крупнейшим производителем нефти и мировым лидером в области добычи природного газа. Россия имеет залежи, но после 1991 г., по мнению Лозанского, она была изолирована между Западом, мусульманским Югом и развивающимся китайским Востоком. Автор задает вопрос, сможет ли она использовать свои козыри, чтобы возвратиться в первый ряд мировых держав, обрести надежных союзников, построить современную конкурентоспособную экономику. Это также новое оружие России в геополитике. Допуская к своим богатствам, она может реально формировать характер отношений с отдельными государствами и препятствовать возникновению антироссийских коалиций.

Следующая глава рассматривает положение в Средней Азии, где сталкиваются интересы всей «большой тройки». Интерес к этой территории может вести как к сотрудничеству, так и к соперничеству между тремя государствами. Возникновение ШОС, по мнению автора, ослабило напряженность в регионе и установило равновесие, затормозив российско-китайское соперничество. Для обоих государств первоочередной задачей является ограничение американского влияния. Лозанский обращает внимание на Турцию, чей светский характер государства и удачные экономические реформы, учитывая культурно-этническую близость, представляют собой привлекательный образец развития для среднеазиатских стран.

Третья часть книги имеет исторический характер и служит обоснованием утверждения Лозанским необходимости российско-американского союза, представляющего собой гарантию сохранения российской власти над Дальним Востоком. Автор приводит в этом контексте три ситуации: русско-японскую войну, гражданскую войну в России и вторую мировую, когда благодаря Соединенным Штатам Россия избежала утраты своих восточных окраин, которые могли бы отойти к Японии. По мнению Лозанского, эти случаи свидетельствуют о том, что обе державы могут иметь общие интересы в этом регионе, также в будущем. Он убеждает, что США нужна сильная Россия для возможного сдерживания Китая с севера.

Последняя глава и заключение суммируют выводы Лозанского. Он убежден, что для России экономический рост Китая является фактором первостепенной важности, так как российская экономика будет этим ростом также пользоваться во

все большей степени. С другой стороны, данный рост создает для России серьезную угрозу: с точки зрения количества народонаселения и экономического развития до конца первой половины XXI века Китай опередит Россию в десять раз. Следовательно, Россия должна поддерживать дружественные отношения с Китаем, но еще более располагать противовесом, равным его потенциалу, который был бы жизненно заинтересован в сохранении независимой от Китая России. И таким противовесом могут быть, по мнению автора, только Соединенные Штаты. Целью российской дипломатии будет проведение политики равновесия. Для России американо-китайская конфронтация была бы очень неудобна – она бы поставила ее перед необходимостью совершения однозначного выбора. Балансировать между двумя тяжеловесами России будет тем труднее, чем более напряженными будут между ними отношения. Для Лозанского, как бывшего советского диссидента, имеет значение тот факт, что поворот России в сторону Китая – тем более популярный, чем хуже отношения с Западом, – означает укрепление авторитарных тенденций в самой России. Поэтому он выдвигает тезис о необходимости широкого лоббирования в США улучшения образа России и построения американо-российского стратегического партнерства.

Книга Э. Лозанского, затрагивающая актуальную и необычайно увлекательную проблему современных международных отношений, может быть интересна не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, которых занимает проблема геополитики. Возможно, она будет также отправной точкой для работы, в которой рассматривались бы перспективы оцениваемого автором как маловероятный выбора Европейского союза в качестве стратегического союзника Российской Федерации.

Роберт Сьмигельски

Anders Åslund, *Russia's Capitalist Revolution. Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed?*, Washington D. C.: Peterson Institute for International Economics, 2007. – 356 с.

«В России только что закончилась Капиталистическая революция, которая свергла систему, установленную после Социалистической революции 1917 г.». Так начинается монография известного шведского экономиста, специалиста в области экономической трансформации, непосредственного наблюдателя распада СССР и возникновения Российской Федерации, в 1991-1994 гг. экономического советника правительства РФ, члена группы Джеффри Сакса. Аслунд взялся за описание и толкование хода российской экономической трансформации, которую небезосновательно называет революцией. Однако автора более всего интересует ответ на вопрос, вынесенный в подзаголовок книги: почему рыночные реформы удалось, а попытки построения демократии провалились? Это на самом деле фундаментальный вопрос не только в отношении эволюции современной России, но и когда речь идет о выявлении сложных и неоднозначных связей между построением рыночной экономики и демократизацией.

Аслунд начинает с анализа причин распада СССР. Он не строит ни иерархию, ни цепь причин, прекрасно отдавая себе отчет в том, что решающее значение имело сложное переплетение экономических, политических, социальных и идеологических факторов. В силу своей профессии самое большое внимание он обращает на экономические причины, но не впадает в характерный для многих экономистов редуccionизм. По мнению автора, сила перестройки была в нарушении окаменелого порядка. Горбачев невольно вызвал кризис и обреч систему на гибель (С. 81), тем самым дав возможность построить новый уклад. Автор много пишет об истории перемен с середины 80-х до середины 90-х гг., отыскивая в этом периоде источники нынешних процессов и тенденций. Он сопоставляет причины, приведшие, с одной стороны, к радикальному изменению экономической системы, а с другой – к торможению демократической революции и обращению к авторитарной модели осуществления власти. Он делает вывод о том, что Владимир Путин после занятия президентского поста в 2000 г. не прилагал особых усилий для постепенного внедрения в жизнь своего видения государства, пользуясь ущербной конструкцией политической системы, оставленной его предшественником.

Аслунд не ищет ключ к этим явлениям, ссылаясь на российскую исключительность как фундаментальное препятствие на пути к демократии. По его мнению, причины были более прозаичны и следовали непосредственно из перемен 90-х гг. Традиционная российская склонность к централизму и подчинению личного общему лишь в небольшой степени объясняет ход событий. Уже в самом начале реформ, еще во времена СССР, вопросы построения политической системы отошли на задний план перед лицом острой необходимости реформирования экономики и сохранения государства от полного распада. Все занялись экономикой – одни видели в этом возможность реформировать страну, другие воспользовались уникальным случаем для собственного обогащения во время хаоса. Вялые, слишком медленные реформы Горбачева позволили появиться новому общественному классу – классу руководителей государственных предприятий (*state enterprise managers*), интересы которого были сосредоточены на извлечении выгоды из агонии советской экономики. Империя методически разворовывалась. Аслунд прямо называет эту процедуру легализованным воровством. Новые законы о кооперативах, о внешней торговле, о государственных предприятиях создали прекрасные условия для злоупотреблений. Появился слой *rent-seekers*, лиц, обогащающихся благодаря использованию ущербности системы (например, гигантских различий между внутренними и мировыми ценами), а не благодаря труду и вложениям собственных средств. Партия уже не владела ситуацией, а новый класс, оставленный без присмотра, принялся сколачивать капиталы, пользуясь сохранением своего привилегированного положения в системе. Ярким примером этой деятельности были методы зарабатывания на торговле нефтью. Легально сырье можно было приобрести у государственного предприятия за один доллар за тонну, а затем продать то же его количество за 100 долларов иностранным покупателям (благодаря частично либерализованной внешней торговле), а вдобавок профинансировать транзакцию за счет дешевого кредита, предоставленного государственным банком (С. 3).

Однако, как замечает Аслунд, в то время именно эта группа представляла собой базу, на которую опирался Горбачев, и противовес партийному бетону, ищущему случая заблокировать реформы. Словом, присвоение государственной собственности частью номенклатуры было до определенной степени

платой за проведение реальных преобразований. Со временем, однако, то, что помогло ускорить распад СССР, становилось препятствием на пути реформирования российского государства, поскольку хорошо организованный слой предпринимателей государственного сектора был заинтересован в продолжении выгодного переходного периода, рассчитывая на получение как можно большей прибыли. Аслунд называет их даже «чемпионами переходного периода» и видит в них главную силу, удерживавшую президента Ельцина от более глубоких реформ (С. 137). Эти же люди не были заинтересованы ни в политических реформах, ни в создании стабильной политической системы, поскольку в противном случае они должны были бы считаться с усилением контроля со стороны органов власти.

Автор отвергает популярные до сих пор мнения о том, что реформы в России были слишком радикальными. Он даже считает, что структурные реформы были приостановлены уже через несколько месяцев после роспуска СССР. Тем не менее, он подчеркивает, что реформаторам (таким, как Егор Гайдар или Анатолий Чубайс) удалось, несмотря на сопротивление, заложить фундамент под нынешний экономический успех России. В 90-е гг. периоды реформ и стагнации перемежались в зависимости от доминирования определенных групп интересов. Были проведены частичные изменения, слабо скоординированные, которые, однако, оказались достаточными для достижения критической массы и кристаллизации рыночной экономики, во многом напоминавшей западную. Проблема в том, что общественное неприятие периода хаоса (гигантского роста преступности, коррупции, социального расслоения) было обращено на «либерализм, демократию и реформаторов». Эти штампы живы и поныне. Более того, нынешние власти сознательно выставляют себя в роли защитников стабильности и порядка, напоминая «великую смуту» 90-х гг. В сущности, однако, именно решимость развенчиваемых ныне реформаторов через несколько лет принесла плоды в виде стабильной экономической системы. Этими плодами воспользовались после 2000 г., небезуспешно убеждая в то же время общество в существовании непосредственной и почти исключительной связи между нынешним экономическим ростом и судьбоносным правлением Путина.

Если говорить о требовании демократизации, то оно появилось уже в 1984 г. В то время речь шла, конечно, не о

государстве, а о партии, о том, чтобы «вдохнуть новую жизнь в существующие институты» (С. 46). Однако Горбачев действовал полумерами, создавая имитацию демократических институтов вроде специфически избираемого Съезда народных депутатов. Выборы не имели ничего общего с демократией, но эффективно демонстрировали реформаторский запал партийного руководства. В то же время, по мнению Аслунда, Горбачев никогда не решился на действительные политические реформы. Он предпочитал заключать гнилые компромиссы с партийными консерваторами. Он действительно верил в возможность оздоровления системы без нарушения ее идеологического фундамента. Со временем умеренный лидер все больше сближался с наиболее консервативными партийными кругами. Однако ситуация выходила у него из-под контроля, что умело использовал Борис Ельцин благодаря своему радикализму и бескомпромиссности. Без этих черт трудно было бы даже предположить возможность подписания беловежского свидетельства о смерти коммунистической империи и роспуска в одночасье могучей сверхдержавы.

К сожалению, Ельцин вначале не придавал политическим реформам серьезного значения, ограничиваясь временными мерами. Сохранение Верховного Совета до 1993 г. было символом такого подхода. Демократическими лозунгами орудовали охотно, но ничего не делали в направлении укрепления демократии. А общество естественным образом начало воспринимать упадок государства и социально-экономический кризис как результат либерально-демократических изменений. Имитация демократии привела к дискредитации действительной идеи. Многие русские до сих пор ставят знак равенства между демократией и временем хаоса, нищеты, расцвета преступности и разворовывания государственной собственности. Впрочем, демократического запала Ельцина хватило ненадолго. Разгон Верховного Совета в октябре 2003 г. с применением войск, а затем победа на выборах в Думу коммунистов и националистов склонили президента к поиску соратников на каждой стороне политической арены и в различных группах интересов. Таким образом в сердцевине системы оказалась уже упоминавшаяся каста менеджеров государственных предприятий, которые закончили этап овладения контролем над фирмами и теперь хотели сохранить положение вещей благодаря укреплению политической роли.

Аслунд условно делит 90-е годы на эру «красных директоров», патроном которых был премьер Виктор Черномырдин, и эру олигархов, которая наступила после президентских выборов в 1996 г., когда взамен на финансовую поддержку Ельцина несколько олигархических групп, сконцентрированных вокруг частных банков, получили контрольные пакеты акций в полутора десятках государственных предприятий и контроль над нефтяной и металлургической промышленностью. Операция «кредиты-за-акции» до сих пор считается в России скандалом. Аслунд освещает этот процесс новым светом. Во-первых, лишь в случае трех больших предприятий произошла смена правления и действительное изменение структуры собственности. Речь идет о «Юкосе», «Сибнефти» и «Норильском никеле». В остальных случаях прежнее руководство лишь усилило контроль. Во-вторых, альтернативой было постепенное угасание фирм в руках прежнего руководства, нацеленного лишь на собственную выгоду. Передача активов новому слою финансистов, несмотря на все нарушения, означала закат господства «красных директоров». В-третьих, операция «кредиты-за-акции» не создала олигархов, так как они занимали существенное положение в системе уже ранее. Наконец, приватизация в принципе должна была быть не честной, не справедливой, а функциональной. Она должна была породить слой собственников, способных увеличивать стоимость приобретенных благ. Эта цель была достигнута. Была также очевидная политическая цель – не допустить к власти коммунистов, которые представляли собой угрозу как для интересов правящих слоев, так и олигархов. Аслунд прав, когда демифологизирует результаты этой политизированной приватизации. Новые собственники, в отличие от номенклатурных директоров, вложили средства в умножение прибыли и развитие. Лучшим примером стал расцвет нефтяной отрасли с «Юкосом» во главе. Конечно, автор замечает также темные стороны российских изменений собственности. Именно олигархи в большой мере заблокировали в 1997-1998 гг. макроэкономические реформы и опосредованно способствовали финансовому кризису августа 1998 г., идя плечом к плечу (хотя и по другим причинам) с Думой, в которой преобладали коммунисты (С. 179-180).

Характеризуя эру олигархов, Аслунд утверждает, что их значение и всемогущество обычно переоцениваются. Эта группа сумела консолидироваться ненадолго, чтобы поддержать

Ельцина во время выборов. До того и после того господствовало грубое соперничество. Российский «большой капитал» вдохновлялся из многих источников, от номенклатуры до преступного мира. С одной стороны, Россия была свидетелем «банковской войны» или «алюминиевых войн», когда в качестве орудия борьбы использовались наемные убийцы. С другой стороны, благодаря предприимчивости некоторых олигархов без помощи государства удалось поставить на ноги и сделать конкурентоспособными угольный сектор, алюминиевую и нефтяную отрасль. Поэтому Аслунд не злоупотребляет ни словами осуждения, ни восхищения. По его мнению, олигархия была детищем своего времени, и вовсе не исключительным, а типичным для времен экономического перелома (С. 184). Более того, развитие олигархии было рациональным ответом на вредный для других форм бизнеса институциональный и правовой беспредел девяностых годов.

Однако, если речь идет об анализе олигархической системы, автору можно сделать один упрек. Аслунд слишком мало говорит о том, каким образом выборный контракт между Ельциным и олигархами сказался на политическом развитии России. Поддержка олигархов не ограничивалась финансовыми средствами, она распространялась также на СМИ. Двое из этих олигархов – Борис Березовский и Владимир Гусинский – контролировали важнейшие телевизионные каналы, которые использовали в баталии за перевыборы Ельцина, не брезгуя черным пиаром. Аслунд утверждает, что коммунистическая угроза была устранена с помощью «в большой степени демократических» средств (*largely democratic*), сосредоточившись на самом акте голосования и сравнениях (без указания источника) опросов общественного мнения с выборами, которые должны были доказать фактическую поддержку Ельцина. Выборы стали по сути очередным актом «управляемой демократии», парадоксальным образом реализуемым для защиты демократии от красно-коричневой опасности. Была ли эффективна защита демократии с помощью недемократических методов? Наверняка нет, ибо создала почву для более тонких форм управления сверху политическими процессами, ибо позволила построить показную систему, которую творчески развил президент Путин. Политические партии стали фикциями, призванными создавать видимость плюрализма. Однако был ли тогда лучший выбор, не были ли последствия возможного триумфа коммунистов более опасными, не была

ли манипуляция меньшим злом? Возможно, и так, но, тем не менее, надо сознавать, что она способствовала значительному ослаблению демократических институтов и механизмов, которые стали орудием в борьбе за влияние, а не фундаментом развития. Нынешняя мелкость российских политических партий, отсутствие программ и полный отрыв от электората является порождением тех событий. Аслунд недостаточно обращает внимание на эту проблему.

Трансформация экономической системы, происходящая, несмотря на многочисленные кризисы, детерминирует оценки автора. Предмет исследований несколько сузил поле наблюдений ученого. Например, во введении Аслунд честно заявляет, что не станет анализировать проблему внешней политики, а лишь очертит эволюцию международной среды. Однако этого предупредительного приема недостаточно для того, чтобы оправдать беглое упоминание некоторых событий и попадание в ловушку разительных упрощений. Как же иначе оценить суждение по поводу расширения НАТО (кстати, произошедшего не в 1997 г., как сообщает автор, а в 1999 г.), которое звучит так: «несмотря на слабость и дружественную настроенность России, Организация Североатлантического договора расширилась за счет Польши, Чешской Республики и Венгрии» (С. 180)? Такое мнение, оставленное без комментария и без контекста, означает, что автор считает Россию единственной отправной точкой для процесса евро-атлантической интеграции. Тем временем решение о вхождении в НАТО суверенные государства принимали после многих лет переговоров. Оценка Аслунда кажется просто отражением мнений, которые в то время господствовали в России. Если россиецентризм в исполнении русских можно все же понять, то в случае ученого, исследующего Россию, он вызывает сомнение. К счастью, таких моментов в книге действительно немного.

Аслунд признается, что чрезвычайное время требовало чрезвычайных средств вроде шоковой терапии, примененной в Польше после 1989 г. С одной стороны, радикальные реформы (по мнению Аслунда, и так слишком умеренные и половинчатые) дали возможность экономического возрождения страны, но с другой – вызвали общественное одобрение правления твердой руки. Во время постреволюционной стабилизации появилась потребность в согласии и порядке, которые прекрасно удовлетворил президент Путин. Макроэкономическая стабилизация привела к политической стабилизации.

Тем не менее стабилизация в понимании элит должна была означать «укрепление вертикали власти», т. е. придание исполнительной власти самых широких компетенций, виртуализацию политической системы, ослабление независимости судопроизводства и подчинение СМИ. Выборы превратились в лишенный значения псевдодемократический ритуал, прекрасно спланированное зрелище, с разработанной хореографией и заранее известными результатами. В России, как представляется, начало преобладать специфическое восприятие демократии как своеобразного маскарада. Институты, процедуры, взаимный контроль и равновесие органов государственной власти, закон – это не что иное, как видимость, за которой скрывается грубая борьба за влияние.

Анализ правления Путина выглядит довольно формально. Отдельные главы посвящены карьере Путина до его избрания президентом, значению второй чеченской войны, подчинения средств массовой информации государству, централизации власти, концепции диктатуры закона, а также экономическим и социальным реформам, проведенным во время первого президентского срока. По мнению автора, Путин прекрасно овладел искусством удовлетворения ожиданий – позировал как реформатор, человек стабилизации, защитник безопасности, хранитель традиций (что интересно – одновременно православия и советского величия). Лишь во время второго срока некоторые маски спали. Однако до сих пор Путин любит говорить о себе как о «чистом демократе» (С. 269), в чем Аслунд замечает не только довольно очевидный сарказм.

В 2003-2004 гг., по мнению автора, заканчивается эра демократической революции и начинается время послереволюционной стабилизации. Злоупотребление «революционной» терминологией в отношении демократических перемен несколько преждевременно, так как даже при самой большой симпатии к Ельцину его трудно назвать демократом. В российском случае демократические институты, едва лишь появившись, уже должны были уступить различного рода имитациям. Российские элиты использовали демократическую риторику с целью легитимизации в глазах Запада, не рассматривая этих идей всерьез.

По мнению Аслунда, западные политики ошибочно восприняли Путина как мелкую модификацию Ельцина. Новый президент укрепил это убеждение, когда в 2000-2003 гг. избегал конфронтационной риторики и многократно высказывался за

более тесную связь с Западом. Время показало, что это были тактические действия. Консолидация внутренней власти и рост уверенности в себе в отношениях с другими странами привели к переориентации политики. Российские действия – это комбинация либерализационных действий на микроуровне, усиливающегося контроля государства над общественной и экономической жизнью, а также все большей конфронтационности во внешней политике. Что интересно – растущее ощущение силы стало сопровождаться все более явным синдромом «осажденной крепости», усиленным «цветными революциями» в Грузии и на Украине.

Кроме того, дело «Юкоса» похоронило олигархию как автономную группу интересов. Чтобы остаться на рынке, большой бизнес должен был принять условия государства. Мало того, государство начало строить свои собственные концерны, превращаясь, как это определяет Аслунд, в «Корпорацию Кремль». Достаточно проследить позиции, которые занимают высокие кремлевские и правительственные чиновники в «Газпроме», «Роснефти» и других предприятиях с участием государственного капитала (С. 252). Следующим характерным элементом для второго президентского срока Путина стал рост коррупции, особенно на высшем уровне. Процедура стала лишь более рационализированной. В порядке вещей, согласно многочисленным свидетельствам, стала покупка должности губернатора, депутатского кресла или судебных приговоров. Система стала более прозрачной, потому что в большинстве дел федерального значения распределением постов и решений занимается Кремль, а в региональных или муниципальных вопросах соответствующие органы. Оценка Аслунда довольно однозначна. Россия вошла в XXI век с системой, полной противоречий, отличающейся крайне централизованным управлением и авторитаризмом в политическом аспекте, а также интенсивно модернизирующейся рыночной экономикой. Проблема состоит в том, что произошла деинституционализация политической и общественной жизни, что неизбежно негативно скажется на долговременном развитии общества. Тем не менее, автор закрывает книгу тезисом, что система, полная таких фундаментальных противоречий, слишком долго продержаться в таком виде не сможет. Он делает оптимистический вывод о том, что модернизация экономики и рост уровня жизни, развитие среднего класса, все более тесная связь с мировой экономикой приведут к демонтажу нефунк-

циональной политической системы. Россия, по мнению автора, станет слишком богата, слишком экономически дифференцирована, слишком хорошо образованна и слишком открыта, чтобы существовать при авторитаризме. Такой вывод должен был бы вытекать из наблюдения за другими странами, где демократизация обычно происходила после экономической стабилизации и укрепления рыночных институтов. Однако вопрос о том, насколько этот, по мнению автора, «естественный порядок» (С. 307), применим к России, элиты которой хвастают своей исключительностью и несоответствием моделям развития, свойственным другим странам, остается без ответа.

Эрнест Выцишкевич